

ПЕРЕБИРАЯ свои старые бумаги, нашел пожелтевшие вырезки из «ММ» разных лет.

В одной за 1961 год – рассказ о моей первой учительнице Прасковье Ивановне Вершигора. В другой – фотография тестя Валентина Максимовича Игнатьева, электрослесаря ПВЭС, удостоенного звания «Лауреат премии ММК» за 1987 год. А вот заметка моего племянника Алексея Антропова о своем дяде и моем отце Рамиле Ришатовиче Ниязбаеве.

Оказалось, по старым газетам можно не только изучать историю комбината и города, но и отчасти историю своей семьи.

Однажды, кажется в седьмом классе, отец водил меня на экскурсию к себе на работу. Показывал, как идет набор текстов в типографии «ММ». Такую вот профориентацию мне устроил. И эта экскурсия часто мне вспоминается, особенно когда из Магнитки от родных и друзей приходят бандероли, в которых обязательно вложены номера «ММ». Интересно видеть, как изменился комбинат, город и газета за те 17 лет, что я не живу в Магнитогорске.

Получив и прочитав в очередной раз номер «ММ», подумал, может быть, такой «металлической» газете пригодится немного леса и деревенского быта?

Кузьмич и росомаха

За весну, пока занимался заготовкой дров, и без того старенькое топориче совсем развалилось. А в деревне без топора как? «Топор – всему делу голова», – говаривали в старину. Решил обратиться к знакомому охотнику Кузьмичу, чтобы сделал новое топориче. Плотницкая работа спорится в его умелых руках. И уж если за что-то взялся, за качество можно не волноваться – все будет отлично. Он свое зимовье обустроил так, что не верится, что стоит оно за многие километры от жилья глубоко в тайге. Все здесь удобно и к месту: и банька для охотника, и вольер для собак – помощников на охоте, и навес над костром. Всегда с особенным удовольствием останавливаюсь здесь, когда случается бывать в лесу.

О топориче договорились быстро, как сейчас говорят, без проблем. Зная, что Кузь-

С детства засело в нас: человек – венец природы

ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

РИС. ОЛЕГ НИЯЗБАЕВ

мич хороший рассказчик, принял расспрашивать его об охоте. Он ведь не только за зверьем бегает, но умеет примечать интересное в жизни зверей, в их повадках. А увидит, где какое дерево выгнулось необычной дугой, так сразу за фотоаппарат. У него целая коллекция фотографий таких природных причудливых фигур.

Так вот и сидели да стукали две рюмочки «для разговору». Зашла речь о росомахе.

– Однажды на своей лыжне я увидел следы росомахи, – начал Кузьмич. – Так по следу и дошел до места, где ставил петлю на кабаргу. По следам было понятно, что росо-

маха подошла, понюхала попавшуюся кабаргу, но не тронула, осторожно обошла это место, вышла опять на лыжню и пошла дальше. По всему, был это зверь взрослый, с опытом. А был другой случай, когда молодая росомаха, попав в капкан, отгрызла себе лапу и ушла, но в другом месте опять попала. Молодежь – она везде молодежь. Пока шишек не набьет, жизни не научится. Сами такими же были.

Из комнаты, где хранились подшивки журнала «Охота» за много лет, Кузьмич принес несколько журналов со статьями В. Кошечкина о росомахе: «Бери, читай, если интересно. Этот мужик знает, что пи-

шет, всю жизнь за ними наблюдает – ученый».

Разговор тек дальше – об охоте, лесе, зверье. Засиделись немного. И не только мир леса, но и мир людей становился мне ближе, понятнее и, кажется, роднее.

Топориче было готово через день. Удобное, точно по руке. С таким и работать одно удовольствие, и глаз радуется красивой в своей простоте форме. Ничего лишнего, ничего не мешает, ни толще, ни тоньше, ни длиннее, ни короче. Мастерски сработано.

Кислица для бурундука

Сегодня в своем зимовье Кузьмич решил заняться хо-

зяйственными делами. С утра он не спеша топтался на складе, наводил порядок. Потоптавшись рядом и понимая, что оказался не у дел, я взял старый бидончик с твердым намерением наполнить его ягодами. Вокруг зимовья росли кусты кислицы – дикой красной смородины. Ветки ее провисали под тяжестью спелых ягод. На мое заявление: «Пойду соберу. Зачем ягоде пропадать? Жена на зиму приготовит», – Кузьмич только хмыкнул, оторвавшись на мгновение от своих дел, пожал плечом и вернулся к своим делам.

Как горожанин-потребитель я не задумался, чем это Кузьмич недоволен. Сам-то

он, знаю, никогда не собирает ягоду вокруг зимовья. Красные грозди искрились на солнце, манили, по мере наполнения бидончика я представлял, с каким восторгом будут меня встречать домашние с такой добычей.

За сбором ягод и другими делами прошел день. Как обычно, собрались за вечерним чаем. День был жарким, а вечер опустился тихой прохладой. Только изредка в кустах вокруг зимовья раздавалось отрывистое цыканье с нотками удивления и возмущения.

– Чего это бурундук расшумелся? – спросил я.

– Он здесь живет, – как-то нехотя ответил Кузьмич.

– Что живет – это хорошо. А кричит отчего, будто недоволен?

– Так там же кислица была.

– Почему была? Она и сейчас там, – удивился я.

– Кусты там. А ягод нет.

Никогда еще Кузьмич не был столь немногословным. Обычно все объяснит, растолкует, а тут...

Опять, но уже в другом месте раздался сердитый голос бурундука. Поздно до меня дошло, почему охотник и хозяин зимовья весь день недоволен и почему кричит бурундук. Пришел, как обычно, полакомиться, а ягоды нет. Оттого и сердится, цыканьем выказывает свое недовольство. Получается, вторгся я в чужие владения, обобрал хозяина этих мест.

И как часто, даже не задумываясь, осуществляем мы такие вторжения. С детства засело в нас: человек – хозяин, венец природы, вершина эволюции. И вот мы вытаскиваем, ломаем, вырубам и опустошаем.

Разговор не клеился, чай в кружке стыл. Совсем стемнело. Бурундук замолчал, убедившись в том, что его владения опустошены. Стыдно то как, господи! И ведь правда – обобрал. В голове кружились услышанные когда-то строчки:

Вопросов много.

Ответ один.

Ты на земле этой

не господин.

Есть ели, сосны,

березы есть,

Вот им и акции в руки

На все, что в этом

мире есть.

ОЛЕГ НИЯЗБАЕВ,
п. Верхнеокинский
Иркутской области.

Садовые колобки

ДВОРНЯГИ

Прочитала статью «Черный георгин Риммы Дышаленковой» Евгений Шевченко – большое восхищение и грусть.

И огромное спасибо Римме Андрияновне, неповторимый писательский дар которой очень ценю. Мне кажется, что, будучи юной, я не так глубоко понимала животных, как теперь. В последнее время меня особенно беспокоит судьба бродячих животных. И впервые эта тревога воплотилась в слове.

... Она бегала по садовому хозяйству в компании других собак – молочно-коричневого окраса, очень юная, хрупкая, робкая и никогда не подающая голоса. Анна знала здесь всех собак наперечет. У некоторых были клички, некоторые она назвала сама. Эту деликатницу Анна назвала Лизи. Тонкая, сдержанная – как ни была бы голодна, собака никогда

не позволяла себе хватать, рвать из рук. Собаки всегда были голодны, и с каждым днем, приближающим холода, они становились все голоднее. Приезжая в сад по выходным, Анна первым делом кормила их.

Раздавая еду всем поровну, она стала замечать, что большой чернотелый Шарик – завидная густая лохматость и правда делала его похожим на шар – быстро съедает свою еду и переключался на порцию Лизи.

Однажды он тихо и просительно заголосил у Анны за спиной.

– Ах, это ты... Жди, – сказала она ему.

Он ждал, а потом быстро расправился с тем, что ему вынесли.

– Мало?! Чего же еще, а больше и нечего... Если только... – сидя на корточках, Аня обмакнула хлеб в деревенское молоко и протянула ему.

Шарик умаял полбулки, а потом она начала кормить из рук Лизи.

Самое вкусненькое теперь доставалось ей. Примерно с месяца назад Анна увидела, что собака стала мамой. Где

были ее детки и живы ли они, она не знала. Как-то в один из октябрьских дней, медленно проезжая по дороге, посыпанной щебнем, в жухлой, побитой заморозками траве Аня увидела скользящих щенков-бабочек – этакая шустрая, игривая феерия, бегущая, кувыркающаяся, неистовая пляска жизни, ловушка для Лизи. Выйдя из машины, Анна увидела, что у собаки шесть колобков – мать-героиня. Смотри на Лизи, полубабочку, полублаженную, Анна ощутила ужас – собаку нечем покормить. Все, что было приготовлено дома, она отдала трем псам у ворот. В руках у нее был только пакет с буханкой свежего, еще теплого хлеба.

– Лизи, Лизи... – Аня отломала ей полбулки, – прости, но сейчас нечего нет.

Там, у ворот появился маленький новичок, и он был голоден, как медведь...

Теперь Анна часто думала о Лизи, маяя и леденя от мыслей о грядущих холодах. Что же будет с щенками-колобками? Вспомнилась бабоч-

ка, обнаруженная недавно на банной полочке – застывшая нетленная красота. Анна распалая свою душу.

– Ох, кисло мне, ох, блекло мне...

В последнюю октябрьскую неделю Анна с мужем приехали в сад глухой ночью. С Лизиними детками увиделись только на следующий день. Налив молока малышам и накормив собак, Аня стала разглядывать их мордашки.

Вилля хвостиком, щенки топтались по кроссовкам Анны – всем хотелось молочка, а две пары глаз рассматривали ее с живым любопытством и безграничным доверием. Щенки оказались не такими уж махонькими, как в прошлый раз, и это ее воодушевило.

А Шарик-то каков! К еде малыш он даже не приблизился. Тихая глыба, беспомощный терминатор, нежный монстр. Аня подмигнула ему, внимательно смотрела на щенков, угадывая сходство с ним и заполазлив вполне вероятное.

Возле теплой компании остановился председатель садового хозяйства. Крепкий, бравый пожилой мужчина жил в садовом хозяйстве круглый год. Шарик был у него со-

бакой номер один. Все другие – номер два. Разговор вернулся к Лизи.

– Вот ведь какая. Оценилась в трубе. Достать шенят невозможно, что только не делал. А потом, когда они выкатились, уже поздно было. Что уж теперь... Не помру, – уверенно сказал Василий Иванович.

В последний приезд Анна увидела Лизи со своей малышней возле жилища крепкого мужика. Стало ли у нее спокойнее на душе? Лишь самую чуточку.

НАДЕЖДА НАКОНЕЧНАЯ.